

Пока Ли Юй расписывал Чи Нину тонкости подковерной борьбы и скрытые таланты кандидаток, У Эр слушала его с открытым ртом. На её лице то и дело сменялись недоумение и шок: «Чего?», «Да ладно!», «И такое бывает?».

Ведь в её незамысловатом представлении о мире всё выглядело совершенно иначе. Цзи Сысюэ казалась вечной жертвой чужих нападок. Кандидатка Линь из кожи вон лезла, чтобы примирить старую и новую фракции. Кандидатка Сунь была весёлой и дружелюбной, а кандидатка Чжэн — простодушной милашкой, которая с лёгкостью водила дружбу с евнухами и ни капли не брезговала их увечными телами. Ну а кандидатка Ван и вовсе не желала становиться супругой наследника...

— Неужели я настолько слепа? — упрямо прошептала У Эр, поворачиваясь к своей возлюбленной.

Ваньвань под столом легонько сжала её пальцы. Уходя от прямого ответа, она прошептала:

— Но ведь именно такую Эрдзян я и люблю.

Маленькая красавица подняла глаза и нежно улыбнулась, глядя на неё с неприкрытым обожанием.

«Всё, я спасена! Я снова полна сил!»

Влюблённая до безумия У Эр воспряла духом в ту же секунду. Её Ваньвань воистину оставалась единственной феей, способной исцелить её израненную душу!

Ли Юй промолчал. Он лишь перевёл взгляд с Ваньвань на Чи Нина. Его красноречивый прищур говорил сам за себя: «Если бы эта девица не сохла по У Эр, из неё вышла бы идеальная кандидатка. Схватываешь мысль?»

Чи Нин в ответ едва заметно кивнул. Он всё прекрасно понимал.

Эта барышня Ваньвань явно была себе на уме. Великая принцесса Канлэ и её супруг на дух не переносили «причуды» дочери, но им пришлось скрепя сердце позволить Ваньвань остаться подле У Эр. Склонить столь влиятельных людей к молчаливому согласию — достижение, непосильное для обычной девушки.

Прав был Цянь Сяюй: никогда не стоит недооценивать женское коварство.

— Ах да, господин, — спохватился напоследок Ли Юй, словно сообщал сущую мелочь. — Перед отправкой во дворец я попросил одного почтенного наставника подобрать мне второе имя — Шимэй. Так что отныне можете звать меня Ли Шимэем.

И всё же он сочёл нужным это упомянуть.

Такой человек, как Ли Шимэй, зря слов на ветер не бросал. Если уж он открыл рот, значит, преследовал определённую цель. Вот только...

У Эр снова наткнулась на непреодолимую стену собственного невежества. Сведя брови к переносице, она пыталась разгадать скрытый смысл этого имени. Ну что в нём такого?

Яшма — прекраснейший из камней. Согласно древнему словарю «Происхождение китайских символов», это была классическая, ничем не примечательная игра слов: второе имя просто раскрывало и поясняло основное. Никакой интриги.

Ваньвань с нежностью погладила возлюбленную по макушке. Не желая видеть её мучения, она тихо подсказала:

— Господин Цянь из Дирекции церемониала.

У Эр озадаченно моргнула. При чём тут этот евнух? Каким боком его приплели к этой истории?

Чи Нин покосился на У Эр с плохо скрываемым сочувствием. Барышня Ваньвань была хороша во всём, но вот со вкусом у неё явно творилось что-то неладное. Разжевали ведь и в рот положили, а У Эр всё равно хлопает глазами. Удивительная, в сущности, дремучесть.

Ли Шимэй сменил имя исключительно ради того, чтобы избежать созвучия с именем влиятельного евнуха Цянь Сяюя. Табу на имена в Поднебесной — вещь коварная и зыбкая, строящаяся на негласных правилах. Захотят влиятельные господа разглядеть оскорбление — казнят, не захотят — пропустят мимо ушей. Доказывать правоту в таких делах бесполезно.

Когда не ведаешь, что творится в головах у сильных мира сего, благоразумнее побережись заранее. Это куда безопаснее, чем полагаться на авось.

Так можно избавить себя от лишних косых взглядов. Обман Ли Шимэя шит белыми нитками, и меньше всего ему сейчас требовалось внимание со стороны. Следовало убрать любую зацепку, способную навлечь беду.

Упоминание Цянь Сяюя натолкнуло Чи Нина на мысль: чтобы разжечь в кандидатках азарт и жажду соперничества, ему нужно применить проверенные методы.

А именно — вспомнить, как Цянь Сяюй в своё время наводил порядки в Императорской школе евнухов.

Когда маленький Чи Нин только постигал там грамоту, Цянь Сяюй занимал должность

старшины школы.

Впрочем, это звание старшины школы не имело ничего общего с обычным школьным старшинством. Так именовали влиятельных евнухов, курирующих обучение и быт юных кастратов, что по рангу приравнивало их к младшим распорядителям.

Императорская школа евнухов напрямую подчинялась Дирекции церемониала. Позже евнух Чжан не без горечи заметил: «Не стоит удивляться, что Дирекции церемониала подмяла под себя весь дворец. Они тихо и незаметно прибрали к рукам саму кузницу кадров. У других ведомств не хватило дальновидности, так что теперь остаётся лишь смириться». Номинально школой управлял евнух-тиду из Дирекции, однако повседневными делами заправлял управитель, в чьём распоряжении находились шесть самых авторитетных евнухов. Их-то и величали старшинами школы.

Цянь Сяюй как раз и был одним из этих шестерых.

Пусть старшине Цяню так и не удалось усыновить маленького Чи Нина, он не строил ему козней в стенах школы. Во-первых, он опасался гнева могущественного наставника мальчика — евнуха Чжан Цзинчжуна. Во-вторых, его собственная карьера стремительно шла в гору, и он был слишком занят грызнёй с соперниками, чтобы отвлекаться на какого-то ребёнка.

Пока остальные старшины школы пытались урезать влияние амбициозного выскочки, Цянь Сяюй метил гораздо выше — на должность главного управителя школы.

Как раз тогда в школе намечались преобразования. Взгляды старшин школы на реформу разошлись, и компромисса достичь не удалось. Тогда Цянь Сяюй предложил спор: разделить новоприбывших воспитанников на две группы и за три месяца выяснить, чья система обучения окажется эффективнее.

Ради честности воспитанников распределили по жребью. Едва переступившему порог школы маленькому Чи Нину то ли повезло, то ли, напротив, крупно не повезло — он оказался под началом старшины Цяня.

Первым же делом старшина устроил проверку и по её результатам разделил подопечных на четыре лагеря: «Небесный», «Земной», «Таинственный» и «Жёлтый».

«Небесные» ученики купались в роскоши: получали лучшую еду, селились в просторных комнатах и каждые десять дней награждались щедрыми подношениями, размер которых зависел от личных успехов. Тот, кто занимал первую строчку, получал столь баснословное вознаграждение, что у остальных от зависти зубы сводило.

Но те, кто скатывался в «Жёлтый» лагерь, терпели сущий ад. Никаких поощрений — лишь жестокие телесные наказания за малейшую оплошность, в десять раз превосходящие монастырские розги, и вечное, удушающее клеймо «никчёмного отребья».

Принадлежность к касте определялась цветом ленты в волосах и каймы на рукавах. Хуже того, на обшлагах халатов красовались вышитые цифры, обозначающие точное место в табели о рангах. Детей превратили в безликие живые игрушки.

Каждые десять дней проводились промежуточные испытания, а раз в месяц — решающий экзамен. Победители поднимались выше, проигравшие летели вниз. И если малые проверки определяли лишь меру сытости или побоев, то большие экзамены буквально решали, выживет ли несчастный в следующем месяце.

Это было то самое... разведение ядовитых гу. Выживает сильнейший.

Разница между «Небесным» и «Жёлтым» разрядами была как между облаками и грязью. Поначалу дети бунтовали, но стоило пройти двум-трем проверкам, как атмосфера в школе неузнаваемо изменилась. Исчезли жалобы на несправедливость, утих плач. На смену бессильному протесту пришла глухая ярость соперничества. Все мысли воспитанников занимала лишь борьба за выживание. Дошло до того, что старожилы «Небесного» лагеря защищали эти жестокие правила яростнее, чем сам Цянь Сяюй.

Трудно объяснить логикой подобные метаморфозы, но такова уж человеческая природа.

С какими бы чистыми помыслами они ни переступали порог этого заведения, в итоге все становились одинаковыми. Те, кто прозябал внизу, жаждали свергнуть фаворитов ради куска мяса и теплой постели. Те же, кто взобрался на вершину, тряслись от страха потерять своё место, вгрызаясь в учебу до кровавых слез и подозрительно косясь на вчерашних друзей.

Каждый желал стать первым. Жажда власти и дикое честолюбие вспыхнули в детских душах с невиданной силой.

Результаты такой реформы превзошли все ожидания.

Десятка лучших «небесных» учеников, закаленная в этих гладиаторских боях, оказалась настолько сильнее воспитанников других старост, что на общих состязаниях они буквально втапывали соперников в грязь.

Чи Нин терпеть не мог вспоминать те три кошмарных месяца, но глупо отрицать очевидное: удерживая за собой первое место, он получил огромные блага. Это золото стало фундаментом его будущего величия. Благодаря тем средствам он смог подкупить нужных людей и проложить себе дорогу наверх.

Трудно судить, насколько правилен этот закон джунглей, но для маленьких евнухов те испытания послужили отличным оселковым камнем. Они превратились в клинки безжалостной остроты.

Благодаря сокрушительной победе над соперниками Цянь Сяоюй в одночасье прославился, заслужил благосклонность императора Су и занял пост управляющего школой.

К глубокому сожалению новоиспеченного управителя, вскоре государь тяжело занемог, и реформы лишились высочайшего покровительства. Наставник Чи Нина, Чжан Цзинчжун, тут же встретился с директором с печатью Лань Цзетином и настоял на немедленном прекращении этих опасных игр с детскими душами.

Благодаря этому маленькие евнухи, включая Чи Нина, смогли вернуться к нормальному учению и сохранить...

...хотя бы крохи человечности.

Евнух Чжан с тех пор питал к Цянь Сяоюю стойкое отвращение. Впервые услышав о его диких нововведениях, он едва не лопнул от злости и долго мерил шагами комнату, заложив руки за спину и бушующий:

— Какое несусветное свинство!

Чжан Цзинчжун полностью оправдывал своё имя, означающее «беззаветную верность». Быть может, он и не стремился прослыть великим праведником в хрониках, но искренне желал уберечь и без того жестокий мир дворца от окончательного превращения в зверинец. Он верил, что слуги государя должны трудиться сообща во благо Поднебесной.

Вспоминая прошлое, Чи Нин невольно вздохнул. Его покойный учитель и впрямь был на редкость благородным человеком.

Но какой толк от преданности династии и государю? Какую награду он получил в итоге? Клеймо «вероломного временщика», обвинения в «заговоре кастратов» и «узурпации власти» тяжким бременем легли на память обо всех слугах ушедшего императора Тяньхэ. Ругать Чжан Цзинчжуна и его сподвижников долгое время считалось признаком хорошего тона среди чиновников, а гневные доклады с требованиями осквернить их могилы летели в столицу лавиной — от самой Юнцзи до Цзянцзо.

Добродетель во дворце никогда не жила долго.

Именно поэтому Чи Нин окончательно утвердился в своём решении: ни в коем случае не пытаться быть праведником. Лишь отринув добродетель ради целесообразности, можно уцелеть в этой клоаке.

Впрочем, талант Цянь Сяоюя выращивать преданных псов отрицать было глупо. И Чи Нин решил, что этот метод отлично подойдёт для воспитания будущих невест.

Вскоре до кандидаток донесли новые правила игры.

Отныне каждые три дня их ждали испытания, полностью повторяющие условия грядущего отбора. Лишь три лучшие девушки удаивались чести занять покои в главном здании Малого Северного дворца. Остальным же приходилось ютиться в восточных и западных флигелях, пристройках да каморках у ворот — в строгом соответствии с набранными баллами.

Чи Нин слегка смягчил жестокие методы своего предшественника: он не стал пороть проигравших, но щедро одаривал фавориток тончайшими шелками, редкими белилами и благовониями. Проигрыш не лишал последнего куска хлеба, но победа сулила небывалую роскошь. Стоило ли удивляться, что девушки тут же включились в гонку?

В первый же день прошёл дебютный смотр. Многие красавицы даже не успели опомниться, как всё закончилось. Чи Нин не выказал ни капли раздражения. Он лишь многозначительно взглянул на Ли Шимэя, безмолвно приказывая тому подливать масла в огонь соперничества.

— А если кто-то наотрез откажется участвовать в этой грызне? — тихо спросил Ли Шимэй наедине.

Ведь далеко не все девушки рвались к власти. Многих привезли насильно, лишь бы местные чиновники могли отчитаться перед столицей о выполнении указа.

— Ну и пускай прозябают в безвестности, — удивился Чи Нин, глядя на собеседника как на глупца, задавшего очевидный вопрос.

Если бы он хотел вовлечь в эту бойню абсолютно всех, то непременно ввёл бы телесные наказания для отстающих. Но отсутствие штрафов служило лазейкой для тех, кто желал тихо отсидеться в углу и отсеяться на законных основаниях. Им не нужно было бунтовать — достаточно просто раз за разом проигрывать.

— Насильно мил не будешь. Разве ты не слышал этой поговорки?

Ли Шимэй опешил от такого простодушия, но скрывать мысли не стал:

— А какая разница, сладок ли плод? Самое весёлое в этом деле — сорвать его вопреки всему.

Чи Нин лишь мысленно хмыкнул. Ну и замашки у этого мальчишки! Опасный, однако, субчик.

Впрочем, он промолчал. Это чужая жизнь, и он не имел ни малейшего права читать нравоучения, мня себя судьей.

Ли Шимэй молча смотрел вслед удаляющейся процессии. Чи Нин шествовал в окружении

Куцая и целой толпы слуг — вальяжно, властно, со спесью, присущей лишь могущественным временщикам этой эпохи.

— До чего же странный евнух, — раздался за спиной голос У Эр. Облокотившись о лакированный косяк дворцовых ворот, она с улыбкой разглядывала собеседника.

Перед тем как принять решение об участии в отборе, У Эр удостоилась личной беседы с Чи Нином.

Тогда он прямо сказал ей: если перспектива делить мужа с подругой вызывает у неё хоть тень сомнения, значит, соглашаться на этот компромисс не стоит. Каким бы лёгким и очевидным ни казался этот путь, он ведёт в тупик. Человек сам волен выбрать свою судьбу, и незыблемых правил не существует.

«Разве вы не должны желать моего брака с наследником, чтобы замять скандал? Почему же... — крутилось тогда в голове у У Эр, — почему вы отговариваете меня?»

Чи Нин тогда лишь усмехнулся и бросил:

— Моя прихоть.

Вспоминая тот разговор и глядя на поступки господина Линя теперь, У Эр вынуждена была признать: она совершенно не понимает этого человека.

— Как ни странно, господин Чи на редкость мягок душой, — задумчиво произнес Ли Шимэй. — Просто он привык потакать собственным прихотям.

У Эр согласно кивнула, но пришла она сюда вовсе не ради праздной болтовни. Подавшись вперед, она заговорщицки подмигнула «прелестной сестрице»:

— Послушай, а не хочешь ли ты со мной объединиться?

— Что? — Ли Шимэй решил, что ослышался. Смерив её удивленным взглядом, он уточнил: — Ты... решила увести у наследника его невесту?

У Эр закатила глаза:

— Да что тебе в голову лезет! Если бы мне нужен был муж, я бы без лишних слов вышла за наследника вместе с Ваньвань. Зачем мне эти сложности с тобой?

Мало того что пришлось бы раскрывать тайну его пола, так ещё и воевать с алчной семейкой

Ли, разгребая горы накопившихся проблем.

— Я предлагаю иное: научи Ваньвань вести себя как подобает мужчине.

Ли Шимэй онемел. Теперь он окончательно убедился, что у него начались галлюцинации.

— Ну же, подумай хорошенько! — подначивала У Эр. — Я помогу тебе прибрать к рукам титул супруги наследника, а ты взамен сделаешь из Ваньвань приличного юношу. Хотя бы внешне.

Это был её идеальный план, позволяющий и волков накормить, и овец уберечь.

Чи Нин зрел в самый корень: мысль о том, чтобы делить ложе с чужаком ради приличий, претила её свободолюбивой натуре.

В Великой Ци союзы между женщинами не одобрялись законом, но лазейку найти можно всегда. Почему бы не последовать примеру наследника князя Цзина? Ваньвань наденет мужское платье и войдет в семью У на правах зятя. А внезапное превращение объяснить просто — дескать, обстоятельства вынуждали её с детства скрывать свой пол и притворяться девицей. Пока живы старший брат с невесткой, за репутацию дома можно не беспокоиться.

К тому же У Эр не собиралась сидеть на шее у родни. У неё было богатое приданое, оставленное покойной матушкой, да и сама она умела вести дела. Со временем, разбогатев, она даже сможет помогать княжескому поместью.

Чего ей бояться?

С каждым мгновением эта безумная идея казалась У Эр всё более заманчивой и легкоисполнимой.

Ли Шимэй лишился дара речи. На языке вертелись сотни колкостей, но он не знал, с какой начать. Вторая барышня семьи У превзошла все его ожидания по части сумасбродства.

«Интересно, как бы отреагировал господин Чи?»

Наверное, лишь пожал бы плечами.

В конце концов, почему бы миру не приютить столь эксцентричную особу?

Усмехнувшись собственным мыслям, Ли Шимэй повернулся к собеседнице:

— Мне не нужна твоя помощь, чтобы заполучить это место. Захочу — и так добьюсь своего.

Давай сочтемся на том, что ты просто останешься моей должницей.

— Договорились! Отныне мы с тобой братья! А, нет, сёстры! — У Эр звонко рассмеялась и размашисто похлопала Ли Шимэя по плечу. — Если понадобится моя помощь — только свистни, расшибусь в лепешку!

В багровых лучах заходящего солнца у величественной алой стены две девицы — одна из которых была юношей — ударили по рукам, скрепляя этот странный союз.

Тем временем глава культа Чжу...

...с немым изумлением взирал на хрупкого, как ему казалось, У Шэна. Тот с абсолютно бесстрастным лицом насылал полчища ядовитых тварей на преградивших им путь разбойников.

Нападавшие были старыми врагами самого Чжу Ляна, и эта стычка не имела никакого отношения ни к Чи Нину, ни к жителям горного селения. Собственно, все невзгоды племени Чу к тому моменту остались позади благодаря усилиям главы культа. Горцы, пожелавшие спуститься на равнину, получили земли и приют в соседних уездах, а оставшиеся старики могли спать спокойно — разбойников, совершавших на них набеги, больше не осталось в живых.

Слава о свирепом предводителе тёмного культа гремела не зря.

Однако, расправившись с бандитами, Чжу Лян выдал своё местоположение и наводнил собственный путь жаждущими мести врагами.

У Шэн, будучи сыном вождя, в знак признательности за спасение соплеменников вызвался сопровождать своего благодетеля. Он без лишних расспросов покинул родные земли и последовал за Чжу Ляном на север, не проронив ни единого вопроса о цели их путешествия.

Дабы избежать недопонимания, Чжу Лян сразу прояснил ситуацию: истинными спасителями племени были наследник князя Цзина и высокопоставленный евнух Восточного притвора Чи Нин.

— Я лишь наемник: получил плату — выполнил заказ, смекаешь? — Чжу Лян по-прежнему щеголял в женском платье, разве что сменил кричащий алый наряд на строгий черный халат, расшитый серебряными узорами. Его длинные угольные волосы были перехвачены шелковой лентой, а в ладони покоился тяжелый обоюдоострый клинок. От этой статной «воительницы» за версту веяло опасностью. Поиграв рукоятью меча, он добавил: — Сейчас я везу тебя к тем господам. Надеюсь, вопросов нет?

У Шэн то ли и впрямь всё понял, то ли просто не пожелал спорить. Он лишь кротко кивнул. Со

стороны он казался тихим и болезненным юношей, неспособным обидеть и мухи.

В глазах Чжу Ляна этот двуполый юноша мало чем отличался от изнеженной барышни. Глава культа обходился с ним со всей учтивостью, строго соблюдая приличия и не позволяя себе лишних вольностей. Женщины его не интересовали, равно как и мужчины, способные нести бремя материнства. У Шэн был для него лишь живым залогом выполненного обещания.

Пока не случилось неизбежное...

Когда старые недруги Чжу Ляна преградили им дорогу, тот уже приготовился разыграть перед ними сцену со «слабой жертвой», чтобы всласть поиздеваться над дураками. Однако прямолинейный У Шэн не стал тратить время на прелюдии. Он просто обрушил на врагов всю мощь своих ядов, за мгновение истребив нападавших до единого.

Он стоял посреди залитой кровью поляны — всё такой же хрупкий, бледнолицый и безобидный с виду, отчего зрелище становилось по-настоящему жутким.

— Ты... цел? — У Шэн говорил на чужом для него языке медленно и неуверенно. Он начал учить наречие равнинных жителей лишь после того, как покинул родные горы, и за пару месяцев преуспел больше многих. В его речи не было грубого акцента, но сам голос звучал пугающе тихо и отрешенно, словно шелест листвы, за которым прячется лесной дух.

Чжу Лян, само собой, не пострадал. Он лишь дал себе зарок впредь не относиться к спутнику с пренебрежением. Этот «цветок» оказался ядовитой росянкой, способной переварить любого глупца.

— Всё в порядке. Спасибо, братец.

— Мы... квиты, — ответил У Шэн, в упор разглядывая собеседника своими чистыми, немигающими глазами.

Лишь теперь Чжу Лян осознал, насколько прагматичен его спутник. Пусть У Шэн казался дикарем, он четко соразмерял долги и услуги. Чжу Лян помог спасти его племя, и юноша расплатился, сохранив ему жизнь. Теперь между ними не осталось обязательств.

А его покорное следование в столицу объяснялось просто: он желал встретиться с истинными зачинщиками спасения и отдать долг чести им.

— С такими талантами тебе и помощь-то не требовалась, — хмыкнул Чжу Лян, раздосадованный тем, что у него отобрали повод поразвлечься с врагами.

— Требовалась, — со всей серьезностью отозвался юноша и тут же покачнулся. Силы покинули его тело, и он рухнул наземь без чувств. Но стоило Чжу Ляну сделать шаг вперед, как из

складок одежды обморочного выползли ядовитые сколопендры и пауки, выстроившись живой стеной вокруг своего хозяина. Пришлось отступить.

Так они и провели несколько дней в лесной глуши: Чжу Лян караулил бесчувственное тело, не смея подойти ближе, пока У Шэн наконец не соизволил прийти в себя.

Из-за этой задержки они безнадежно выбились из графика. Как ни спешили путники, загоняя лошадей, к условленному сроку они не успели. В последнюю ночь перед въездом в столицу судьба забросила их в монастырь Истинного Покоя. Глядя на мерцающие вдали огни Юнцзи, Чжу Лян облегченно перевел дух: они успевали как раз к финальному этапу отбора невест. Наконец-то он избавится от этого жуткого мальчишки!

«Руководство по выживанию рядом с диковинным красавцем»:

Пункт первый: посмотри, как он приручает сколопендр.

Пункт второй: беги без оглядки. Всё гениальное просто.

Императорский дворец

Тем временем в Малом Северном дворе вовсю кипела работа. Чи Нин развернул обучение кандидаток с поистине имперским размахом.

Помимо регулярных состязаний, он пригласил нескольких ушлых старых евнухов и дворцовых нянек читать девушкам лекции. Официально занятия именовались «Основами добродетели и супружеского долга», но на деле умудренные опытом слуги разбирали самые грязные интриги, наглядно объясняя, как подсыпать яд в чай сопернице и не попасться.

Тридцать пять кандидаток оказались прилежными ученицами. Полученные знания они тут же принялись применять на практике: плели заговоры, объединялись в недолговечные союзы и устраивали друг другу каверзы. Управляющий евнух уже выбился из сил, пытаясь навести хоть какой-то порядок.

Он ведь нанимался во дворец служить господам, а не работать судьей Бао Цинтянем! Каждый божий день девицы требовали от него расследовать пропажу пудры или порчу платьев. Таких нагрузок его старое сердце вынести не могло.

Пятерка лидеров в дворцовой борьбе практически определилась. Хотя места этих пятерых время от времени менялись, любой зрячий человек мог видеть, что окончательный победитель наверняка выйдет именно из этой пятерки.

Лидеры гонки определились быстро. И хотя первая пятерка постоянно менялась местами, любому наблюдателю было ясно: заветные места достанутся именно им.

К удивлению многих, невзрачная рыбачка Цзи Сысюэ упрямо удерживала позиции среди фавориток.

Ли Шимэй еще раньше подметил, что от этой девицы веет тайной. Порой она совершала сущие глупости, но судьба неизменно благоволила ей, словно оберегая от любых невзгод.

Он даже начал всерьез подозревать, что Цзи Сысюэ поцелована богами удачи: ума нет, талантов тоже, а везения — хоть отбавля.

Разгадка пришла сама собой. Проходя мимо открытого окна её покоев, Чи Нин случайно приметил на столике грубую каменную шпильку. Повеяло чем-то до боли знакомым.

Позже, нежась в плетеном кресле и наблюдая, как старшая служанка дворца Недеяния А-Жун обучает кандидаток этикету, Чи Нин мысленно обратился к своему покровителю:

«В той шпильке ведь сидит одержимость, верно?»

Господин Юань мысленно подтвердил его догадку. Протянув невидимые щупальца своей воли к комнате рыбачки, он с любопытством изучил вещицу:

«Весьма занятный дух. Одержимость приняла человеческий облик и укрылась в камне».

«Ого! — восхитился Чи Нин. — Прямо как в тех дешевых романах, где героям помогает дух какого-нибудь бессмертного старца».

«Скорее, бессмертной девицы», — хмыкнул Юань. Он видел изнанку вещей гораздо четче. Оборвав фразу на полуслове, злой бог вкрадчиво поинтересовался: «Хочешь узнать подробности?»

Разумеется, Чи Нин хотел. Цзи Сысюэ была важной фигурой в его игре, и любая неожиданность могла спутать карты.

До его слуха долетал усталый голос А-Жун:

— Кандидатка Цзи, опустите ладони чуть ниже. Ну посмотрите же, как это делаю я!

— Но мне кажется, что так гораздо изящнее! — капризно протянула Цзи Сысюэ, вновь принимаясь за своё.

«Умасли меня хорошим словом, и я укажу тебе верный путь», — заигрывал злой бог со своим подопечным.

В последнее время Чи Нин почти перестал обращаться к нему за помощью. Юань всегда считал, что мальчик вырос и должен сам пробивать себе дорогу в жизни, однако теперь, когда тот с головой ушел в интриги и перестал просить о мелких одолжениях, божество ощутило странную пустоту.

«Папочка!» — без тени смущения выпалил Чи Нин, демонстрируя готовность идти на любые уступки ради выгоды.

Юань поперхнулся. Ему совершенно не улыбалась роль родителя. Он желал... чего-то совсем иного, но сам пока не мог облечь это смутное томление в слова. Одно он знал точно: усыновлять этого пройдоху он не собирается!

Почувствовав недовольство невидимого собеседника, Чи Нин тут же исправился, выдав порцию еще более приторной лести:

«Величайший среди небожителей, мой господин Юань! Я готов вечно следовать за вами и воспевать ваше величие. Моё сердце изнывает от желания быть рядом с вами каждую земную секунду!»

Тук-тук-тук.

Злой бог почувствовал, как сладко защемило в груди. Похоже, он слишком долго общался с этим смертным и растерял былую стойкость. Пусть он сам вытребовал эти признания, но в итоге капитулировал перед сладким ядом чужих речей. Смутившись, он поспешил перевести тему:

«Дух в шпильке хочет забрать тело Цзи Сысюэ».

«Что?!» — мысленно воскликнул Чи Нин.

И действительно, не успела А-Жун рассердиться на капризы подопечной, как Цзи Сысюэ переменилась в лице. Она плавно опустилась в поклоне, выполнив приветствие столь безупречно, что превзошла саму наставницу.

Теперь Чи Нин отчетливо разглядел, как из покоев девушки вырвалась едва заметная струйка серого тумана. Она окутала тело рыбачки невидимым коконом, заставляя двигаться по чужой воле. Цзи Сысюэ превратилась в марионетку, чьи ниточки дергал призрачный кукловод.

Увидев столь безукоризненный жест, А-Жун лишь вздохнула:

— Что ж, отратно видеть, что вы всё-таки знаете правила.

Угроза наказания миновала.

Серый туман, клубившийся вокруг девицы, бесшумно растаял в воздухе.

Увиденного Чи Нинухватило с лихвой, чтобы составить картину происходящего. Значит, этот дух действительно был сродни призракам из городских легенд. Большинство одержимостей бродили по миру неприкаянными и безумными теньями, но встречались среди них и могущественные твари с ясным разумом. И если обычные сильные духи довольствовались лишь нашептыванием советов, то этот каменный паразит вознамерился полностью поглотить душу хозяйки.

«Это не простое завладение телом, а слияние душ», — поправил его Юань. Чтобы стать единым целым, дух должен вылепить из Цзи Сысюэ собственную копию. Самому злому богу было плевать на эти призрачные козни. Он не видел в девице угрозы и не собирался вершить правосудие. К тому же... «Эта девка далеко не глупа. Она лишь притворяется послушной овечкой, а сама вовсю ищет способ изгнать духа».

Две коварные души вели безмолвную войну, скрытую от посторонних глаз. Каждая из них пыталась использовать другую в своих целях. Ни одна не была невинной жертвой, ни одна не заслуживала сочувствия.

Это была схватка двух эгоистов, готовых на любую подлость ради собственного спасения.

Чи Нин медленно кивнул. Для его целей было неважно, кто победит в этой дуэли. Главное — получить готовую растерзать соперниц тигрицу, способную превратить гарем нового императора в сущий ад.

Простая дочка рыбака прекрасно понимала, что играет с огнем, но отступать не собиралась.

Внезапно Чи Нин поймал себя на мысли, что эта история до боли напоминает его собственную жизнь. Он опустил взгляд на пояс, где сегодня висела нефритовая подвеска — очередное обличье господина Юаня.

Чем их союз со злым богом отличался от сделки рыбачки с призраком?

«Кстати, господин Юань, а вы сами можете принимать человеческий облик?» — неожиданно спросил он.

«А почему нет? — отозвался тот вопросом на вопрос. Похоже, Чи Нин недооценивал могущество древнего божества. — Для меня не существует преград».

«Тогда почему я до сих пор ни разу не видел вашего истинного облика?» — изумился евнух.

«Кусок дерева — вот мой истинный лик, — наставительно ответил Юань. — А человеческое тело... оно ведь уродливо. Зачем мне превращаться в это существо с четырьмя нелепыми отростками и кучей странных выпуклостей? Ума не приложу, что в этом красивого».

Чи Нин лишился дара речи. Оказывается, в глазах этого божества монстром был он сам!

Хотя, если вдуматься, логика в этом была. Люди считали деревянных духов чудищами, так почему духи должны восхищаться человеческой анатомией? У разных существ — разные представления о прекрасном. Вера в то, что всякая тварь мечтает обрести людской облик, — не более чем людское тщеславие, воспетое в глупых сказках.

Чи Нин в очередной раз погрузился в глубокие раздумья.

Заметив его молчание, Юань поспешил добавить, явно пытаясь сгладить впечатление:

«Впрочем, ты — исключение. Если пожелаешь, я могу превратить тебя в прекраснейший брусочек черного дерева».

«Премного благодарен, но я, пожалуй, откажусь!»

Перед финальным туром отбора невестам предстояло пройти обряд благословения в Дирекции императорских храмов. Это правило ввел сам основатель династии. Великий предок не верил ни в богов, ни в демонов, но отличался... крайней суеверностью во всем, что касалось предзнаменований и совместимости гороскопов. Особенно ревностно он подходил к выбору невест для своих сыновей и внуков.

Дабы не позволить коварным придворным подделать натальные карты кандидаток ради устранения соперниц, император придумал гениальный ход: объявить, что после храмового благословения любая девушка автоматически обретает благодать и становится идеальной парой для принца.

Подобная логика повергла тогдашних мудрецов в глубокое замешательство, но спорить с основателем государства никто не решился.

С тех пор обряд вошел в свод законов предков и сделался обязательным завершающим этапом любого императорского отбора.

Все разом превращались в носительниц высшей благодати.

Чи Нин в детстве тоже проходил через подобные ритуалы, но уже тогда относился к ним с

презрением. Будь у него хоть капля истинной благодати, разве лишился бы он родителей и стал бы кастратом на побегушках?

Судьбу человека куют его собственные руки, а не деревянные идола в храмах.

Однако, переступив порог Дирекции императорских храмов вместе с кандидатками в этот раз, Чи Нин понял: здешние монахи и даосы вовсе не были шарлатанами.

«Их обряд направлен на уничтожение одержимостей», — подал голос Юань. Пройдя сквозь очищающее пламя этих молитв, ни один злой дух не мог проникнуть в жилые покои дворца.

«А как же вы?..» — невольно встревожился Чи Нин.

«Мне эти погремушки не страшны», — фыркнул злой бог. Если бы храмовые псы могли навредить ему, он бы сгинул еще в тот день, когда Чи Нин только ступил на плиты Запретного города. Беспокоиться об этом теперь было просто смешно.

Поняв, что сморозил глупость, Чи Нин мысленно кивнул и вернулся к своим наблюдениям: «Значит, суть ритуала не в привлечении удачи, а в создании непреодолимого барьера для скверны?»

«Именно», — подтвердил Юань. Он и сам не ожидал, что первый император династии Ци окажется столь предусмотрительным.

Но если великому божеству обряд вреда не причинял, то мелкие духи затрещали по швам.

Чи Нин преклонил колени на мягком коврикe во главе процессии. До его слуха долетел тонкий, полный боли писк, раздавшийся из рядов кандидаток. Каменная шпилька исторгала беззвучные для обычных людей вопли, изнывая под воздействием священных благовоний.

«А-а-а! Цзи Дая, ты погубить меня решила?!» — неистово визжал дух в сознании рыбачки.

Да-да, настоящее имя девушки было куда прозаичнее — Дая. Её родители, неграмотные рыбаки, отродясь не слыхивали столь поэтичных имен, как Сысюэ. Красивое прозвище придумал сам дух шпильки, ловко воспользовавшись оплошностью писца при занесении девицы в списки свободных граждан.

Невыносимо громкий ментальный крик заставил Цзи Сысюэ резко вскочить на ноги посреди торжественной тишины. Обряд прервался, и десятки недоуменных взглядов устремились на нарушительницу.

Управляющий евнух едва не лишился чувств. Взмахнув рукавом, он сердито прошипел:

— Кандидатка Цзи! Что вы себе позволяете?!

Будь его воля, он бы выразился куда крепче, поинтересовавшись, не надоело ли этой девке жить.

Девушка без умолку лепетала извинения, но упрямо пятилась к выходу из храма.

Чи Нин прищурился. Цзи Сысюэ не воспользовалась шансом навсегда избавить свой разум от призрачного паразита. Что за игру она ведет? Чтобы разузнать её планы, евнух решил подыграть нарушительнице и мягко произнес:

— Должно быть, кандидатка Цзи занемогла от духоты. Позвольте ей покинуть зал и прийти в себя.

Стоило господину Линю выразить волю, как возражения тут же утихли.

Рыбачка и обитавший в её украшении дух синхронно одарили Чи Нина полными признательности взглядами, после чего поспешно выбежали прочь. Золотое сияние священных курильниц медленно угасало в клубах сизого дыма.

«Жаль, — лениво протянул Юань. — Еще бы немного, и от неё пошел бы аппетитный дух жареного мяса».

«Значит ли это... — Чи Нин замялся на миг, — что вы изволите желать жаркого?»

Юань промолчал, выражая крайнее недовольство такой трактовкой его слов.

Впрочем, намерения Цзи Сысюэ прояснились довольно быстро. Эта девица не умела сидеть сложа руки. Обряд благословения изначально входил в её планы, а ночь, которую кандидаткам предстояло провести в стенах храма за очистительным омовением, идеально подходила для решительного шага.

Она вовсе не собиралась мириться с присутствием призрака, но и уничтожить его без выгоды для себя считала непозволительным расточительством. Ей в голову пришла куда более изощренная мысль, позволяющая разом избавиться от двух проблем.

Глубокой ночью она коварно направила дух шпильки на кандидатку Чжэн, входившую в ту самую заветную пятерку лидеров.

Хотя сама Сысюэ тоже числилась в фаворитках, финальный выбор ограничивался лишь тремя именами. Никто не мог гарантировать ей победу, а значит, следовало проредить ряды соперниц. Кандидатка Чжэн к тому же давно пила из неё кровь своими придирами, так что

мечь напрашивалась сама собой.

В ту ночь небо над Дирекцией императорских храмов озарилось ослепительным золотым светом.

Среди всполохов молний и раскатов грома господин Юань явил свою волю и спас умиравшую кандидатку Чжэн, а даосские мастера, воспользовавшись моментом, сокрушили каменную шпильку Цзи Сысюэ, обратив духа в прах.

Девушка без сил рухнула на колени. Лицо её было белее полотна. Выждав немного, она разразилась безутешными рыданиями, разыгрывая перед прибежавшими слугами смертельный испуг и глубокое потрясение.

Лишь единицы понимали: всё случившееся было разыграно как по нотам.

«Эта кошка слишком быстро выпускает когти и перестает слушаться хозяина», — с легким сожалением подумал Чи Нин. Если он не найдет способа приструнить строптивую девицу, от столь опасной пешки придется избавиться.

Пригород Юнцзи

В лесистом ущелье за пределами столицы медленно открыла глаза молодая девушка, сорвавшаяся накануне с крутого обрыва. Слабым голосом она обратилась к стоявшему над ней У Шэну:

— Это вы... спасли меня?

У Шэн бесстрастно кивнул. Пожалуй, так оно и было. Ночью, находясь в монастыре, он почуял, как угасает чья-то искра жизни, и потащил за собой Чжу Ляна на поиски. Увы, они опоздали: несчастная разбилась насмерть, обуянная жаждой гибели. Однако затем произошло нечто необъяснимое.

Стоило дыханию покинуть холодный труп, как в него вселилась новая, чужая душа.

— Меня зовут... — Незнакомка запнулась, потирая лоб. — Я ничего не помню. В голове крутится лишь одно имя — Цзи Цзань. Я не знаю, как отблагодарить моих спасителей...

Дух каменной шпильки Цзи Сысюэ оказался весьма живучим. Перед самым уничтожением он успел перенести остатки своей сути в тело упавшей с обрыва бедолаги, слившись с мертвой плотью.

Отныне её звали Цзи Цзань. Она хорошо усвоила этот жестокий урок и намеревалась сполна поквитаться со своей обидчицей!

Впрочем, для начала следовало разобраться с незваными благодетелями. О том, чтобы прирезать их, не могло быть и речи — в новом слабом теле она лишилась призрачного могущества. Но и платить по долгам Цзи Цзань не собиралась. «Вы спасли прежнюю хозяйку этой плоти, а ко мне, Цзи Цзань, это не имеет никакого отношения!»

— Нет, ты можешь отплатить, — бесцеремонно прервал её мысли У Шэн. Повернувшись к разодетому в женские шелка Чжу Ляну, он спросил: — Она красива? Подойдет ли господину Чи?

Из-за косноязычия юноши разобрать его слова было непросто, но за время пути Чжу Лян научился понимать его с полуслова. Стоило признать, черты лица незнакомки были на редкость обольстительны — она вполне могла поспорить красотой с самой главой культа. Из такой девицы вышла бы превосходная фаворитка, способная погубить целую династию. Скрепя сердце, Чжу Лян кивнул.

Глаза У Шэна радостно блеснули. Он повернулся к Цзи Цзань и усердно заговорил:

— Ты хочешь вернуть долг мне. А я должен господину Чи. Значит, ты поможешь ему.

— Господин Чи? Тот самый, из Восточного притвора? — Цзи Цзань мгновенно отбросила свои коварные помыслы, едва услышав знакомое имя.

У Шэн важно кивнул:

— Ему нужны красавицы. Так было написано в письме к Чжу.

— Что ж, тогда я с радостью верну вам этот долг, — губы Цзи Цзань расплылись в хищной ухмылке, а взгляд устремился на далекие башни столицы. — Цзи Сысюэ... Ну надо же! Наша разлука окажется совсем недолгой.

<http://bllate.org/book/20385/2161793>